

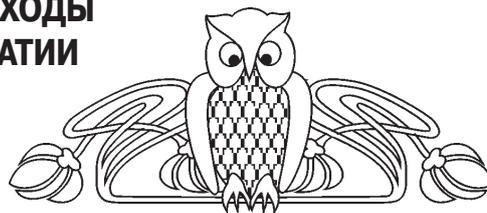

УДК 32.130.3

НОРМАТИВНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: FILATOVNN@info/squ.ru

В статье анализируются особенности основных научных подходов к проблемам демократии, которые оформились в постсоветский период, рассматриваются основные аргументы их представителей, обозначившиеся в ходе непрекращающейся дискуссии о перспективах демократии в России.

Ключевые слова: концепции демократии, нормативный подход, функциональный подход, перспективы демократии в России.

Normative and Functional Approach to the Democracy Problems Conceptualization in Modern Russia

N.N. Filatov

The article analyzes the peculiarities of the principal scientific approaches to democracy problems, formed during the post-Soviet period, and examines the main arguments of their representatives, which are being put forward during the continuing discussion devoted to the Russian democracy perspectives.

Key words: democratic conceptions, normative approach, functional approach, Russian democracy perspectives.

Одним из важнейших направлений политических исследований являются проблемы, связанные с концептуализацией понятия демократии, ее особенностей в условиях перехода от одного общественного состояния к другому. На первом этапе политического развития России в постсоветский период преобладала либеральная логика и риторика демократического транзита. По мнению П.И. Симуша, «в 90-е годы XX в. “демократия”, как и общественная собственность, стала приватизированной усилиями амбициозных кланов олигархов и чиновников»¹.

Уже в середине 1990-х гг. реальный опыт политических преобразований заставил исследователей по-новому посмотреть на данную проблему, в том числе и на проблему концептуального осмысления сущности демократии, возможностей рефлексии демократических институтов с точки зрения их универсализма, возможностей заимствования и перенесения на российскую социокультурную почву. Развернулась дискуссия по этому поводу, которая, по сути, продолжается до сих пор среди российских обществоведов, периодически оживляясь в связи с различными политическими событиями.

В целом по поводу перспектив демократии в постсоветской России изначально обозначились несколько основных исследовательских позиций.

Одна из них заключалась в том, что потенциальная угроза для демократии лежит в самой демократии: большинство может поддержать авторитарные или даже тоталитарные силы. Уже после выборов 1993 г. и особенно после выборов в Государственную думу 1995 г. российские политологи заговорили о «синдроме веймарской демократии»², который начинает проявляться в России, о том, что либеральные демократы оказываются перед дилеммой: использовать демократические или авторитарные методы проведения либеральных реформ и установления демократии³. В рамках такой оценки Г. Вайнштейн обозначил состояние демократии в постсоветской России, как «избыточное», преждевременное, не соответствующее качеству политической культуры большинства населения и политической элиты России в результате преобладания этатистских и анархистских установок⁴. По его мнению, еще не факт, что большинство стран, в том числе и Россия, в действительности находятся на некоторой «промежуточной» станции своего пути трансформации, а не в конечном пункте того развития, на которое они оказались способны. В этой связи «действительной проблемой российской демократии является, как это ни прискорбно признать, не столько ее совершенствование в соответствии с классическими стандартами, сколько сохранение того, что уже достигнуто»⁵.

Вторую позицию, на наш взгляд, наиболее развернуто представляла точка зрения В. Гельмана. Он утверждал, что политические режимы в России и ряде других постсоветских государств не могут быть квалифицированы как демократические в том смысле, какой ему придают нормативные теории⁶. По мнению В. Гельмана, Г. Вайнштейн не критически применяет к анализу российской политики положения концепции процедурной демократии, разработанной американским политологом Робертом Далем. Между тем политический режим в России отнюдь не соответствует семи критериям процедурной демократии, которые были предложены Далем⁷.

Тем самым, сторонники обоих подходов использовали идеально-типический подход, предложенный в свое время еще М. Вебером и ориентированный на выявление проблемных характеристик реально существующих конкретных политических систем. Однако, на наш взгляд, у М. Вебера акцент в его методологической модели делался на анализе функциональности и адаптивности действующих политических и общественных институтов и механизмов, а не на их соответствии идеально-типической модели как целеполагания⁸. Р. Даль и его последователи сместили акцент на процедурные характеристики, обоснованные в виде нормативных параметров, обязательных для воплощения⁹. Модель полиархии при таком подходе выступает не просто инструментом для сравнительного анализа реально существующих политических систем, но и шкалой для их ранжирования на предмет соответствия (несоответствия) стандартам демократии.

Примером такого подхода могут служить оценки уровня и характера демократического состояния различных стран, сделанные Томасом Карозерсом, вице-президентом Фонда Карнеги. По его мнению, с начала 1990-х некоторым странам удалось или почти удалось построить демократию; другие столь же очевидно скатились назад к авторитаризму. Большинство «переходных» стран, однако, находясь в некоей «серой зоне» и делятся на две группы. Все эти страны являются демократиями, но демократиями неполными (полудемократия, формальная, электоральная, фасадная, псевдodemократия, слабая, частичная, нелиберальная и виртуальная демократия). Во всех этих странах налицо свободные выборы и известная доля политических свобод. Для одной группы стран, однако, характерна политическая нестабильность, когда партии сменяют друг друга у власти, ничего не меняя; в других, несмотря на наличие политической оппозиции, власть фактически находится в руках одной партии (группы, клана). Во всех этих странах степень вовлеченности населения в политический процесс низка, а государственные институты слабы и неэффективны¹⁰.

Подобный подход характерен для многих западных политологов. Например, Т.Л. Карл и Ф. Шмиттер подчеркивают, что «никто никогда не утверждал, что режимный транзит всегда означает переход к демократии. Напротив, в литературе, посвященной исследованию различных типов транзита, ясно говорится, что даже после начала режимных изменений траектории развития могут быть самыми разными: одни страны будут двигаться к консолидации демократии, другие – к некоей новой форме авторитарного правления, в третьих будет установлена та или иная версия «гибридного» режима»¹¹.

В. Меркель и А. Круассан в качестве эталона для оценивания используют понятие «ли-

беральные демократии», которые ограничены конституционно-правовыми нормами и процедурами, благодаря которым гарантированы важнейшие гражданские права и свободы, взаимный контроль ветвей власти, четкое разделение полномочий исполнительной и судебной властей. Отступление от данных параметров приводит к тому, что демократия оказывается «дефектной». По мнению авторов, перед «дефектными демократиями» открыты три пути: они могут: 1) эволюционировать в направлении полной демократии; 2) «застыть» на неопределенное время в промежуточном состоянии; 3) повернуть вспять, отказавшись от уже усвоенных элементов демократии¹².

В то же время среди западных исследователей еще в 1970 г. была обоснована и получила распространение иная концепция по данному вопросу, представленная У. Растоу. Среди основных его тезисов принципиальное значение, по нашему мнению, имеют два: 1. «Факторы, обеспечивающие устойчивость демократии, не обязательно равнозначны тем, которые породили данную форму устройства политической системы: при объяснении демократии необходимо проводить различия между ее функционированием и генезисом»; 2. «Процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным во всех точках земного шара: к демократии может вести множество дорог»¹³. Остальные тезисы У. Растоу, как представляется, подчинены вышеуказанным.

В рамках такого подхода обосновывается позиция российских исследователей, наиболее последовательно представленная Ю.А. Красиным в виде анализа серии конкретных шагов России в сторону демократии¹⁴. Полемизирующий с Красиным М.В. Ильин доказывает, что современные представительная демократия, гражданское общество, федерализм есть не что иное, как результат компромисса и антиномичного соединения разнонаправленных альтернатив. По его заключению, именно принятие антиномий современного бытия позволяет избежать революций со связанными с ними потрясениями и подменить их мелкими выборами-предпочтениями. Поэтому он считает, что «тотальным» может быть лишь «выбор» в пользу того, чтобы сделать выбор постоянным и неокончательным, чтобы научиться принимать современный мир, в котором демократия, федерация, гражданское общество и прочие «ценности» сочетаются со своими альтернативами и образуют антиномичные единства¹⁵.

На наш взгляд, в подходах М.В. Ильина и Ю.А. Красина не существует принципиальных противоречий. И в том и другом случае исследователи, использующие данные ракурсы на проблему демократического транзита, могут делать акцент, прежде всего, на функциональности действующих политических институтов с точки зрения успешности решения ими важнейших

социально-экономических проблем данного конкретного общества.

Нельзя не согласиться с утверждением, что перед каждой страной, которая решалась на модернизационный марафон, непременно вставали одни и те же проблемы – как постигнуть премудрости экономического успеха, где взять силы и средства, позволяющие догнать ушедших вперед и справиться с их возможным противодействием? Ответить на эти вопросы – значит найти и проявить политическую волю¹⁶. Однако варианты обосновываются самые непримиримые – от возвращения к Госплану, которое предлагают радикальные коммунисты, до либеральной диктатуры, которую предлагала В.И. Новодворская, чтобы «загнать» россиян в рынок и демократию. По мнению либерального экономиста Е. Ясина, для проведения либеральных рыночных реформ целесообразно было бы использовать активную реформаторскую политику авторитарного режима до начала демократизации. «Тогда наиболее непопулярные экономические меры были бы проведены заблаговременно»¹⁷.

Кроме того, нельзя не учитывать, что демократия в современных условиях сталкивается с беспрецедентными вызовами, в основе которых лежат два взаимосвязанных процесса: революционные изменения технологической базы цивилизации и глобализация. В результате в распоряжении политических элит появляются «чрезвычайно эффективные инструменты манипулирования людьми, что, в свою очередь, ставит под вопрос возможность самостоятельного участия граждан в политическом процессе, свободного выбора ими своих решений и линии поведения»¹⁸. Под влиянием происходящих перемен разрушаются устои общественной солидарности, «общество все более фрагментируется и атомизируется, его способность влиять на государственную политику, в которой усиливаются корпоративные и авторитарные тенденции, падает. Сквозь демократический декор отчетливо просматриваются контуры корпоративно-автократического правления»¹⁹.

А. Мельвилл акцентирует внимание на том, что с точки зрения транзитологии «все же неизбежен некий первичный выбор конкретного институционального дизайна новой демократии, тех процедур, которые в дальнейшем (в случае успешного транзита) позволяли бы “снимать” антиномическое напряжение, подтверждать и реализовывать “большой” выбор на уровне “малых” и становящихся уже привычным ритуалом политических действий и решений. Как представляется, российская реальность пока не дает достаточных оснований вести речь об успешном (с точки зрения демократического результата) первичном выборе “большого” институционального дизайна...»²⁰.

Однако большинство исследователей считают, что Россия все же вступила на путь демократических преобразований и с большей или

меньшей результативностью продвигается в этом направлении. Задача обществоведов как раз и заключается в теоретическом осмыслении этого движения и предложении адекватной модели демократического развития России.

Одни исследователи при этом считают, что «ориентиром демократического транзита России остается либеральная демократия, что динамика развития нашей страны – это постепенное, медленное, трудное, сложное, но все-таки реальное обретение полноты демократии. Сценарий стабилизации “дефектной демократии” в России вряд ли осуществим, вопреки утверждениям ряда авторов»²¹. Другие утверждают, что в российской модели демократии «должно найти отражение все присущее России разнообразие, все характерные для нее различия – в местных условиях, в исторических судьбах народов, их культуре и вероисповедании, в климате, ресурсах, в отношении к труду, к собственности и т.д.»²².

Резюмируя рассмотренные подходы к анализу состояния демократии в постсоветской России, можно констатировать следующие положения.

Несмотря на многообразие различных исследовательских моделей демократического транзита, большая часть их сторонников априорно исходят из нормативного основания о наличии некоего универсального «конечного пункта» движения большинства авторитарных сообществ, вставших на путь демократизации. Различия касаются преимущественно характера, способов, этапов, скорости, промежуточного состояния и результативности данного продвижения. В этих сюжетах наблюдается многообразие оценок: от многовариантности путей к конечной цели, до возвратно-поступательных траекторий движения («ущербные», «дефектные» и т.п.). Либеральные параметры стратегической цели данного транзита сомнению не подвергаются. Само собой подразумевается, что данные параметры определяются состоянием развитых демократических стран, как образцов для такого перехода.

При этом не учитывается, что сам «образец» постоянно претерпевает внутреннюю трансформацию в условиях глобализации и перехода к информационному обществу. Изменение сущности и функциональности партий, «театрализация» электорального процесса, распространение имиджевых манипуляционных информационно-коммуникационных технологий приводят к тому, что многие классические схемы демократического взаимодействия между властью и обществом становятся формальными, декоративными.

В таких условиях, на наш взгляд, среди совокупности ведущих критериев успешности демократического развития на первом плане должны находиться показатели результативности политических институтов в вопросах решения важнейших общественных проблем. Реакция большинства демократических государств на продолжающийся финансовый и социально-

экономический кризис свидетельствует, что их лидеры руководствуются не идеологическими либерально-демократическими принципами, а соображениями прагматизма, социально-экономической целесообразности и национальной безопасности. Думается, что и для российской политической системы главными параметрами для оценки ее демократичности целесообразно использовать не только нормативно-заданные характеристики, но и оценки ее общественной функциональности. Адаптивность политических институтов к постоянно меняющимся условиям, умение адекватно и эффективно отвечать на самые сложные и опасные вызовы современности должны стать важнейшими критериями для отечественных политологов, исследующих и оценивающих характер и особенности демократии в современной России.

Примечания

- 1 Симуш П. Демократический проект: почему потерпел фиаско? // Власть. 2005. № 8. С. 15.
- 2 См.: Клямкин И.М. Новая демократия или диктатура? М., 1994.
- 3 Качановский И.И. Будущее либеральной демократии в России // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 54–55.
- 4 См.: Вайнштейн Г. Между полной несвободой и полным хаосом: О природе политической системы современной России // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 3. С. 43.
- 5 См.: Вайнштейн Г. Российский транзит на фоне глобальной демократизации // Демократия и демократизация на рубеже веков. М., 2000. С. 145–146.
- 6 См.: Гельман В. Как выйти из неопределенности? // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 3. С. 21.
- 7 См.: Гельман В. Демократия избыточная или недостаточная? (И вновь о природе политической системы современной России) // Pro et Contra. 1998. Т. 3, № 4. Осень. С. 166–172.
- 8 См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 50–53.
- 9 См.: Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; Под. ред. О.А. Алякринского. М., 2000.
- 10 См.: Carothers Th. The End of the Transition Paradigm // J. of Democracy. 2002. Vol. 1, № 1.
- 11 Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. № 4. С. 11–12.
- 12 См.: Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. 2002. № 1. С. 6–17; № 2. С. 20–30.
- 13 Рапоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.
- 14 См.: Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. 2003. № 1. С. 124–133.
- 15 См.: Ильин М.В. Российский выбор: сделан, отсрочен, отменён? // Полис. 2003. № 2. С. 157–163.
- 16 См.: Шанталов Б.Н. Выбор России через призму «классической демократии» // Полис. 2004. № 1. С. 148–149.
- 17 Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М., 2005. С. 317.
- 18 Красин Ю.А. Судьба демократии в России // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2006 / Российская ассоциация политической науки; Гл. ред. А.И. Соловьев. М., 2007. С. 40–41.
- 19 Там же. С. 41.
- 20 Мельвил А.Ю. Так что же случилось с российским выбором? // Полис. 2003. № 4. С. 161–164.
- 21 Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Полис. 2004. № 2. С. 79–80.
- 22 Пантин И.К. Демократия в России: противоречия и проблемы // Полис. 2003. № 1. С. 147–148.

УДК 323.232

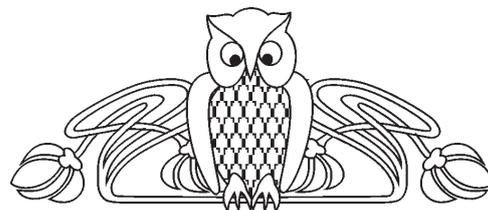
АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.А. Мартынова

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: martynovayu@mail.ru

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии современного общественно-политического дискурса. Автором делается попытка выявить средства реализации коммуникативных стратегий в тексте на материале российской прессы.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, манипуляция, конвенция, презентация, гуманитарные технологии, воздействие.

Analysis of Communicative Strategies in Political Discourse

Yu.A. Martynova

In this article the communication strategies of modern political discourse are considered. The author makes an attempt to reveal the means of the communication strategies realization in the articles of Russian press.

Key words: communication strategy, manipulation, convention, presentation, human technologies, influence.